

Т.Г. СВЕТЛИЧНАЯ, И.Г. МОСЯГИН, С.В. ГУБЕРНИЦКАЯ

ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОЕННЫХ МОРЯКОВ

В статье анализируются результаты медико-социологического поперечного, или одномоментного, исследования сексуальной культуры моряков, служащих на одной из российских военно-морских баз. Исследуемая группа военнослужащих обнаружила сохранение традиционных стереотипов сексуального поведения: отсутствие раннего сексуального дебюта; длительные моногамные отношения с одним половым партнером противоположного пола; низкую распространенность гомосексуальных контактов и сексуально опасного поведения. Выявлено влияние на сексуальное поведение военных моряков гендерных, возрастных и профессиональных характеристик. Проведен анализ контрацептивного поведения. На основе полученных данных сделаны выводы об особенностях и проблемах сексуальной культуры российских военных моряков, определены факторы риска их сексуального поведения и меры профилактики.

Ключевые слова: сексуальная культура, сексуальное поведение, военные моряки, контрацептивное поведение.

Светличная Татьяна Геннадьевна — доктор медицинских наук, профессор кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск. **Адрес:** 163000, Архангельск, просп. Троицкий, д. 51. **Телефон:** (8 182) 28-57-84.

Мосягин Игорь Геннадьевич — доктор медицинских наук, профессор, директор НИИ Морской медицины Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск. **Адрес:** 163000, Архангельск, просп. Троицкий, д. 51. **Телефон:** (8 4012) 50-29-90.

Губерницкая Светлана Владимировна — аспирант кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социальной работы Северного государственного медицинского университета, г. Архангельск. **Адрес:** 164500, Архангельская обл., г. Северодвинск, ул. Торцева, д. 44. **Телефон, факс:** (8 184) 50-25-05. **Электронная почта:** saharov73@mail.ru

Последние полтора века проблема сексуальной культуры постоянно привлекает внимание и вызывает исследовательский интерес многих ученых. С середины XX века в развитых странах началась так называемая сексуальная революция — процесс глобального изменения сексуального поведения людей, продолжающийся в ряде стран до настоящего времени. Суть сексуальной революции заключается в радикальной ломке традиционных норм, ограничений и запретов в сфере сексуальных отношений [22]. Сексуальная революция в России, начавшаяся в конце 1980-х годов, имела следующие характерные черты: резкое снижение возраста начала половой жизни; увеличение числа сексуальных партнеров; повышение частоты добрых и внебрачных связей; расширение набора сексуальных техник; появление и рост секс-индустрии [1; 2; 6; 10; 14; 15].

Перемены в сексуальном поведении россиян и начались, и протекают по сей день на фоне крайне неблагоприятных социально-экономических условий. Прежде всего назовем низкий уровень жизни, рост преступности, алкоголизма и наркотической зависимости, а также разрушение института общественного здравоохранения [5; 6; 10; 14; 15; 25]. Ситуация усугубляется крайне низким уровнем сексуального образования и контрацептивной культуры населения [3; 11; 14; 16; 23; 25–27]. В свою очередь все перечисленные факторы ведут к появлению серьезных медицинских и социальных последствий, а именно к росту таких негативных показателей, как нежелательная беременность, аборт; инфекции, передаваемые половым путем (в дальнейшем по тексту — ИППП), ВИЧ-инфекция; сексуальное насилие и проституция [1; 4; 5; 11; 14; 15; 17; 19; 21; 28].

Отдельную актуальность приобретает изучение сексуальной культуры в среде военнослужащих. Во-первых, их служебная деятельность имеет высокую социальную значимость; во-вторых, условия их службы отличают значительный объем и интенсивность рабочих нагрузок, большая физическая и психологическая напряженность, негативное воздействие на здоровье обстоятельств военного труда и быта. Сексуальное поведение военнослужащих в процессе их адаптации к условиям армейской жизни существенно меняется и начинает приобретать специфические черты, которые выражаются в резкой ограниченности сексуальной активности, что не только создает предпосылки к увеличению количества случайных половых связей, гомосексуальных контактов и сексуальных отношений с проститутками, но способствует риску заражения ИППП и ВИЧ-инфекцией. Все это негативно влияет на важнейший критерий поддержания высокой боевой готовности армии и флота любой страны — состояние физического и психического здоровья военнослужащих.

Материалы и методы

С целью изучения сексуальной культуры военных моряков нами в 2008 году проведено специальное медико-социологическое исследование, объектом которого стали военные моряки одной из российских военно-морских баз. Социологический опрос проводился методом случайной выборки путем анонимного анкетирования по специально разработанной статистической «Карте изучения сексуального поведения», одобренной комитетом по этике Северного государственного медицинского университета (СГМУ).

Всего нами опрошено 676 военнослужащих в возрасте от 18 до 55 лет, что на 44,5% превысило расчетный объем выборки (375 человек). В составе обследованного контингента преобладали мужчины — 78,6% (n = 531), из них с высшим образованием — 48,0% (n = 325) и офицерским (мичманским) воинским статусом — 60,8% (n = 411) (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение военнослужащих по социально-демографическим признакам

Социально-демографические переменные	Значения переменных	
	абсолютное значение, чел. (N=676)	доля от общего числа респондентов, %
Пол		
Мужчины	531	78,6
Женщины	145	21,4
Возраст, лет		
18–19	50	7,4
20–24	144	21,3
25–29	133	19,7
30–34	149	22,0
35–39	107	15,8
40–44	55	8,2
45–49	30	4,4
50–54	8	1,2
Воинский статус		
Военнослужащие по контракту		
Всего	581	85,9
В том числе:		
офицеры, или мичманы	411	60,8
матросы, или старшины	170	25,1
Военнослужащие по призыву	95	14,1
Образование		
среднее общее	110	16,3
среднее специальное	241	35,7
высшее	325	48,0

При статистической обработке данных нами использованы традиционные методы классификации учетных признаков. К независимым переменным отнесены социально-демографические (пол, возраст, образование) и профессиональные (воинский статус) характеристики. В качестве зависимой переменной приняты обобщенные характеристики сексуальной культуры военных моряков, для оценки которой нами разработан комплекс специальных показателей:

- возраст начала половой жизни;
- среднее число половых партнеров за последнее полугодие;
- удельный вес лиц, имевших сексуальные отношения за последнее полугодие (от общего числа респондентов, в процентах);
- относительное число лиц, имевших гомосексуальные контакты за последнее полугодие (от общего числа респондентов, в процентах);
- доля лиц, использовавших различные сексуальные техники (генитальный, аногенитальный, орогенитальный виды контактов) (от общего числа респондентов, в процентах);
- удельный вес лиц, использовавших средства контрацепции (от общего числа респондентов, в процентах);
- удельный вес лиц, имевших случайные половые связи за последнее полугодие (от общего числа респондентов, в процентах);
- относительное число лиц, имевших коммерческие сексуальные отношения за последнее полугодие (от общего числа респондентов, в процентах);
- относительное число лиц, имевших в анамнезе урогенитальные инфекции (от общего числа респондентов, в процентах).

Обработка полученных данных проводилась с помощью статистической программы SPSS, версия 13,0. Сравнение качественных параметров, представленных частотами (в процентах), проводилось по критерию Хи-квадрат и V-критерию Крамера; количественных — с помощью непараметрического U-критерия Манна–Уитни. Критический уровень значимости (p) при проверке статистических гипотез принимался равным 0,05.

Результаты исследования и их обсуждение

Возраст начала половой жизни является одной из основных характеристик сексуальной культуры. По нашим данным, половина военных моряков (50,0%) впервые вступили в сексуальные отношения в возрасте 16–18 лет ($Q_1=16$, $Q_3=18$), при вариации показателя от 12 до 28 лет ($Me=17$). При этом доля военнослужащих, начавших половую жизнь в раннем возрасте (до 16 лет), оказалась весьма высокой, составив 24,2% (см. рис. 1).

Рис. 1. Распределение военнослужащих по возрасту сексуального дебюта, %

Нами выявлены статистически значимые гендерные различия в возрасте сексуального дебюта. Так, в каждом втором случае (50,0%) военнослужащие мужчины впервые вступали в сексуальные отношения намного раньше ($Q1=15$, $Q3=18$, $Me=17$), чем женщины ($Q1=17$, $Q3=20$, $Me=18$) ($U=19885,5$; $Z=-9,033$; $p<0,001$). Показатель варьирует у мужчин от 12 до 24 лет, у женщин — от 14 до 28 лет. Более того, среди мужчин доля лиц, имевших сексуальные отношения до 16-летнего возраста (29,6%), в шесть раз превышает аналогичный показатель у женщин (4,8%).

Возраст сексуального дебюта у военных моряков практически не отличается от такового у других социально-демографических и социально-профессиональных групп населения. Так, средний возраст первого полового контакта у жителей Москвы (мужчины и женщины) равен 16,3 и 18,7 лет соответственно [18], у студентов и студенток медицинского университета в Архангельске — 17,5 и 18,5 лет [25], у женщин Новосибирска (высшее и среднее специальное образование) — 18,1 лет [27]. Похожие значения возраста сексуального дебюта имеют военнослужащие стран ближнего зарубежья: в частности, большинство военнослужащих армии Украины (65,3%) тоже приобретают первый сексуальный опыт в 15–18 лет [20]. Аналогичные сведения приводят зарубежные исследователи [32; 35–37]. По данным К. Уэллингс, изучавшей вместе с коллегами сексуальное поведение населения в 59 странах мира, большинство мужчин и женщин начинают сексуальные отношения в 15–19 лет [36].

Выявленные нами гендерные различия совпадают с результатами других исследователей, установивших более раннее по сравнению с женщинами начало сексуальной жизни у мужчин [1; 7; 8; 18; 19; 25; 26; 35; 36].

В последние годы наблюдается тенденция к снижению возраста сексуального дебюта вследствие более раннего сексуального созревания

и пробуждения эротических чувств у подростков и молодежи, и полученные нами результаты подтверждают наличие таких поколенческих различий. Если 18–19-летние (50,0%) военнослужащие приобрели первый сексуальный опыт в возрасте 14–18 лет ($Q_1=14$, $Q_3=18$, $Me=16,5$), то 50–54-летние (50,0%) — в возрасте 17–20 лет ($Q_1=17$, $Q_3=20$, $Me=19$). Различия статистически значимы, а сила влияния этого фактора весьма велика (коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r_s=0,82$, $p<0,01$).

Проанализировав возраст первых сексуальных отношений у военнослужащих, обладающих разным статусом, мы подтвердили тенденцию к их более раннему «старту». Так, в каждом втором случае (50,0%) военнослужащие по призыву начинают половую жизнь раньше ($Q_1=14$, $Q_3=17$, $Me=15,0$) матросов, или старшин, по контракту ($Q_1=14$, $Q_3=18$, $Me=17,0$) ($U=4626,0$; $Z=-5,833$; $p<0,001$) и офицеров, или мичманов ($Q_1=16$, $Q_3=19$, $Me=17,0$) ($U=9688,5$; $Z=-7,745$; $p<0,001$). Выявленные расхождения обусловлены однородным гендерным составом и более молодым возрастом военнослужащих по призыву ($20,5\pm 0,1$ лет) по сравнению с матросами, или старшинами, по контракту ($30,4\pm 0,5$ лет) и офицерами, или мичманами, по контракту ($32,6\pm 0,3$ лет). Полученные нами данные совпадают с результатами исследования «Мониторинг поведения военнослужащих Украины» [20], согласно которым военнослужащие по призыву начинают половую жизнь раньше (16,1 лет), чем офицеры (17,6 лет). Несомненно, как на возраст сексуального дебюта у военных моряков, так и на их сексуальное поведение в целом оказывает воздействие множество причин: физиологических, психологических; экономических; социокультурных, национальных, этнических и религиозных. При этом ведущую роль играет один фактор — это принадлежность к тому или иному социальному слою общества до призыва в армию.

Нами не выявлено, что фактор образования имеет статистически значимое влияние на возраст сексуального дебюта. Вместе с тем прослеживается определенная тенденция: по сравнению с военнослужащими, имеющими среднее общее ($Q_1=15$, $Q_3=19$, $Me=17,0$) и среднее специальное образование ($Q_1=15$, $Q_3=18$, $Me=17,0$), военнослужащие с высшим образованием несколько позже вступают в сексуальные отношения ($Q_1=16$, $Q_3=18$, $Me=17,0$). Однако в целом среди группы военных моряков, имеющих образование (высшее либо то или иное среднее), доля лиц с ранним сексуальным дебютом, то есть в возрасте до 16 лет, существенно меньше: соответственно 25,8; 27,4 и 21,8%.

Показатель *среднего числа половых партнеров* за последнее полугодие рассматриваемого периода является не менее информативным критерием, отражающим существующую в армейской среде

сексуальную культуру. В этот период, по нашим данным, подавляющее большинство военных моряков обоих полов (72,4%) практиковали сексуальные отношения только с одним партнером; из них 89,3% составили те, кто поддерживали длительные отношения (больше года) и 86,0% — кто проживали совместно с партнером. Среди другой части военнослужащих (27,6%) показатель варьировал в довольно широких пределах — до 20 человек.

При анализе такого показателя, как количество сексуальных партнеров, нами выявлены статистически значимые гендерные различия. Так, среди военнослужащих, практиковавших за последнее полугодие исключительно моногамные отношения, мужчины составили 67,2%, а женщины — 89,7%. Среди военнослужащих, имевших полигамные связи, мужчины составили 32,8% с количеством партнеров до 20 человек, а женщины — 10,3% с количеством партнеров до 3 человек. Различия являются статистически значимыми ($U=23\,824,0$, $Z=-5,413$, $p<0,001$). Полученные нами данные хорошо согласуются с результатами других исследователей, тоже установивших гендерные различия в числе половых партнеров [1; 7; 8; 18; 25; 26; 35]. Вместе с тем в работе К. Уэллингс и соавторов приведены данные, показывающие одинаково большое число партнеров и у мужчин, и у женщин в развитых странах, таких как Австралия, Великобритания, Франция, США и т.д. [36].

Доля лиц, поддерживающих моногамные отношения, как и следовало ожидать, имеет тенденцию с возрастом увеличиваться. В среде военных моряков сексуальные связи с одним партнером из числа 18–19-летних практикует только каждый третий (34,3%), тогда как из числа 50–54-летних — уже каждый (100,0%). Нами установлена обратная связь между возрастом военнослужащих и числом сексуальных партнеров ($r_s=-0,25$, $p<0,01$) и прямая — между возрастом и длительностью отношений ($r_s=0,39$, $p<0,01$). Другими словами, чем старше становятся военные моряки, тем чаще они предпочитают длительные моногамные отношения.

Нами не выявлено, что фактор образования является статистически значимым для рассматриваемого показателя. За последнее полугодие моногамные отношения практиковали большинство военных моряков, получивших образование: общее среднее — 65,3%; среднее специальное — 74,8%; высшее — 72,1%. Военнослужащие с образованием, имевшие полигамные связи, распределились следующим образом: с общим средним образованием составили 34,7%, причем количество партнеров в этой группе в пределе достигало 7 человек; со средним специальным — 25,2% и с высшим — 27,9%, причем в двух последних группах количество партнеров составляло до 20 человек.

Мы специально исследовали, какое влияние на количество сексуальных партнеров оказывает такой фактор, как воинский статус. За последнее полугодие моногамные отношения предпочитали большинство военнослужащих по контракту: 76,6% составили матросы, или старшины; 76,0% — офицеры, или мичманы. Среди военнослужащих по призыву значение показателя было вдвое меньше — 35,7%. Военные моряки, предпочитавшие полигамные отношения, представили следующую картину: 64,3% — военнослужащие по призыву с числом партнеров до 5 человек, 23,4% — матросы, или старшины, по контракту с числом партнеров до 10 человек, 24,0% — офицеры, или мичманы, по контракту с числом партнеров до 20 человек. Однако в совокупности за последнее полугодие у военнослужащих по призыву оказалось больше сексуальных партнеров, чем у военных моряков по контракту, то есть у матросов, или старшин ($U=2647,0$; $Z=-5,295$; $p<0,001$), и офицеров, или мичманов ($U=6216,5$; $Z=-6,348$; $p<0,001$). Выявленные различия между военнослужащими по призыву и контракту связаны с несходством характера их деятельности и разными условиями прохождения службы. Полученные нами данные не совпадают с результатами исследований других ученых [9; 17; 20; 29; 30; 31; 35], установивших, что в вопросе полигамных связей существует четкая зависимость от фактора воинского статуса, и выявивших корреляцию между его повышением и увеличением количества половых партнеров. Так, по данным Н.В. Лебедевой, среди служащих Ярославского военного гарнизона практикуют полигамные отношения 11,0% служащих по призыву и 77,0% — по контракту [17].

При выявлении доли лиц, имевших *гомосексуальные контакты*, установлено, что абсолютное большинство опрошенных военных моряков (98,7%) поддерживают сексуальные отношения исключительно с представителями противоположного пола. Лишь исчезающе-малая часть их (1,3%) имеют гомосексуальные связи; при этом женщины в 3,9 раза чаще (2,7%), чем мужчины (0,7%). В бисексуальных отношениях признался только один мужчина — военнослужащий по призыву (0,1%). Для сравнения: в большинстве стран среди гражданского населения зафиксирована более высокая, чем у опрошенных нами военных моряков, распространенность гомосексуальных отношений — в различных регионах ее показатель варьирует и в максимуме достигает 20,0%, а среднее значение показателя равно 6,0–8,0% [32; 33; 36; 37].

Мы специально исследовали наличие или отсутствие *регулярных сексуальных отношений* у военных моряков. Наш интерес объясняется установленным фактом, что условия службы и быта в целом влияют на сексуальное поведение военнослужащих, а в частности приводят к формированию у них вынужденного полового воздержания,

или так называемого армейского аскетизма [12]. По нашим данным, практически все военные моряки (91,3%) за полугодие рассматриваемого периода имели регулярные сексуальные отношения: женщины несколько чаще (93,8%), чем мужчины (90,6%). Данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии у военных моряков вынужденного полового воздержания. Однако регулярные сексуальные отношения отмечены в основном среди служащих по контракту: матросы, или старшины, составляли 96,5%, офицеры, или мичманы, — 96,6%; а вот доля служащих по призыву оказалась в 1,5 раза меньше — 59,0%. Различия статистически значимы ($\chi^2=144,9$, число степеней свободы $df=2$, V-критерий Крамера = 0,463, $p<0,001$). Выявленные расхождения объясняются особенностями службы у разных категорий военно-служащих.

В последние годы в российском обществе, как и во всем мире, наблюдается все более разнообразное использование различных *сексуальных техник* — то есть максимально расширяются границы понятия, называемого «диапазон приемлемости» [7; 8; 14; 18; 25]. Аналогичные процессы отмечены нами и в сексуальном поведении военных моряков, которые наряду с традиционными генитальными контактами (93,8%) активно практикуют орогенитальный (42,5%) и аногенитальный (14,0%) секс.

Крайне низкий уровень *контрацептивной культуры* россиян приводит к тому, что среди всех существующих на сегодня методов регулирования рождаемости до сих пор основное место продолжает занимать прерывание беременности, то есть искусственный аборт [3; 7; 8; 11; 13; 14; 16; 17; 23]. По нашим данным, подавляющее большинство военных моряков все-таки пользуются средствами контрацепции — 79,8%; однако остальные военнослужащие, их не применяющие, составляют довольно значительную долю — 20,2%. Среди последней группы в пять раз больше мужчин (24,5%), чем женщин (4,8%). Различия статистически значимы ($\chi^2=27,243$, $df=1$, $p<0,001$). Данное обстоятельство свидетельствует об укоренившихся стереотипах широко распространенного во всех слоях нашего общества контрацептивного поведения, которое выражается в более безответственном — по сравнению с женским — мужском отношении к вопросам репродуктивного здоровья.

Несмотря на все современные средства контрацепции, военные моряки предпочитают самые традиционные. На первом месте по частоте применения стоят презервативы. Ими пользуются более половины военнослужащих, составляющих 57,0%, причем мужчины — в 1,6 раза чаще (62,1%), чем женщины (38,0%). Различия статистически значимы ($\chi^2=23,897$, $df=1$, $p<0,001$). Вторым по частоте применения

контрацептивным средством является прерванный половой акт. Доля практикующих его военнослужащих составляет 13,5%, из них женщины прибегают к нему несколько чаще (14,5%), чем мужчины (13,2%), хотя контрацептивная эффективность прерванного полового акта обоснованно считается весьма сомнительной, в то время как отрицательные последствия для мужского здоровья (импотенция, простатит) могут быть весьма существенными. На низкую контрацептивную культуру военных моряков указывает и тот факт, что каждая четвертая женщина (23,4%) применяет малодейственные контрацептивные способы — календарный метод в 20,0% и спринцевание в 3,4% случаев. Современные средства используют лишь 14,8% военнослужащих женского пола, в том числе 10,4% — гормональные таблетки и 4,4% — внутриматочные спирали (см. табл. 2).

Таблица 2

**Частота разных методов контрацепции,
применяемых военными моряками**

Методы контрацепции	Мужчины, % от их общего чис- ла	Женщины, % от их общего чис- ла	Показатель достовер- ности раз- личий, χ^2 ($p < 0,001$)	В среднем, %
презервативы	62,1	38,0	27,2	57,0
прерванный половой акт	13,2	14,5	0,16*	13,5
календарный метод	–	20,0	110,9	04,3
оральные препараты	–	10,4	56,1	02,3
внутриматочная спираль	–	05,5	29,6	1,2
спринцевание	–	3,4	18,4	0,7
другие способы	0,2	3,4	13,7	0,8
Доля применяющих кон- трацепцию	75,5	95,2	27,2	79,8

* *Примечание:* $p = 0,6$

В рамках исследования нами изучено, насколько среди военных моряков распространено *сексуально опасное поведение*, характеризующееся случайными незащищенными половыми контактами и сексуальными отношениями с проститутками. По нашим данным, 11,0% военных моряков за последнее полугодие имели случайные сексуальные связи. Практически все эти военнослужащие были мужчинами (93,0%) в возрасте 18–29 лет (82,0%). Распространенность случайных контактов значительно выше среди военнослужащих по призыву — их доля равна 41,2%, чем среди контрактников, среди которых матросы, или старшины, составляют 10,8%, а офицеры, или мичманы, — 4,9%. Различия статистически значимы ($\chi^2 = 81,9$, $df = 2$, $p < 0,001$). Полученные нами данные не совпадают с результатами исследований

ученых, приводивших более высокие показатели этого явления в армейской среде как нашей страны [17], так и других стран [20; 29–31; 35]. Например, доля военнослужащих, практикующих случайные контакты, достигает: в США 41,0% [29]; на Украине 41,9% [20], в Нигерии 88,0% [31]. Ученые отмечают — и это вполне соответствует нашему выводу, — что случайный секс чаще имеют военнослужащие по призыву. Например, на Украине доля последних, а также курсантов училищ оказалась равной 67,0%, в то время как доля офицеров и военнослужащих по контракту была вдвое меньше — 33,0% [20].

Одно из крайних проявлений сексуально опасного поведения представляют собой половые связи с проститутками. Их распространенность среди гражданского населения разных стран варьирует в пределах от 1,0 до 14,0% [36; 37]. В воинской среде тех же стран показатель половых связей с проститутками значительно выше, он колеблется от 10,5 до 60,0% [17; 20; 30; 31; 34]. По нашим данным, за последнее полугодие исследуемого периода услугами проституток пользовались лишь 5,8% военных моряков. Секс с проститутками практиковали исключительно молодые мужчины (20–34 года) — 82,0%. Выявленные нами гендерные различия, а именно: более высокая распространенность коммерческого секса среди мужчин — совпадают с результатами других исследователей [5–8; 25; 36; 37].

Специалисты не выработали единого взгляда на то, какая категория военнослужащих чаще пользуется платными сексуальными услугами. По мнению Е.А. Кашенко, они характерны для военнослужащих по призыву [12]. Согласно исследованию «Мониторинг поведения военнослужащих Украины», статистически значимых различий в частоте коммерческого секса у различных категорий военнослужащих не выявлено [20]. По нашим данным, коммерческие сексуальные отношения распространены среди контрактников, причем в обеих подгруппах одинаково: матросы, или старшины, составляют 7,6%, а офицеры, или мичманы, — 6,3%; тогда как среди военнослужащих по призыву таковых связей нами практически не зафиксировано. Различия статистически значимы ($\chi^2=7,153$, $df=2$, $p=0,028$). Выявленные расхождения, скорее всего, обусловлены разными финансовыми возможностями военнослужащих по контракту и по призыву.

Особую тревогу вызывает факт редкого использования презервативов военными моряками, практикующими случайные и коммерческие сексуальные отношения. Барьерными методами контрацепции из общего числа таких военнослужащих пользуются: при случайных контактах 68,5%, причем постоянно — лишь 17,8%; при сексуальных связях с проститутками 74,4%, причем постоянно — лишь 12,8%.

Безответственное сексуальное поведение военных моряков в прошлом связано со многими факторами риска, и в первую очередь с

высокой **распространенностью урогенитальных инфекций**, которые — ту или иную — перенес в течение жизни, по нашим данным, каждый второй военнослужащий (53,2%). Чаще ИППП отмечаются у мужчин (54,8%), чем у женщин (47,4%), правда, эти различия статистически не значимы. Из общего числа военных моряков однократно болели 44,2%, многократно — 9,0%. Среди перенесенных в анамнезе заболеваний преобладал урогенитальный хламидиоз (17,6%), гонорея (14,0%) и аногенитальные бородавки (АГБ) (6,6%) (подробнее см. табл. 3).

Таблица 3

Распространенность и кратность урогенитальных инфекций в анамнезе военных моряков (рассчитано от общего числа обследованных), %

Урогенитальные инфекции	Показатель		
	распространенность	кратность	
		однократно	многократно
гонорея	14,0	11,8	2,2
хламидиоз	17,6	15,5	2,1
аногенитальные бородавки (АГБ)	6,6	5,6	1,0
герпес	4,9	2,7	2,2
сифилис	0,5	0,3	0,2
другие ИППП	9,6	8,3	1,3
По всем ИППП в целом	53,2	44,2	9,0

Статистически значимые гендерные различия мы смогли выявить в такой категории, как кратность заболеваемости гонококковой инфекцией. Среди военнослужащих, перенесших гонорею, доля мужчин, болевших однократно, составляет 14,3%, доля женщин, болевших однократно, в семь раз меньше — 2,8% ($\chi^2=17,785$, $df=1$, $p<0,001$); доля мужчин, болевших многократно, составляет 2,8%, тогда как у женщин такие случаи вообще не зафиксированы ($\chi^2=5,685$, $df=1$, $p=0,017$, точный критерий Фишера=0,015). Данное обстоятельство только еще раз наглядно подтверждает, что сексуально опасное поведение довольно широко распространено именно в мужской среде военных моряков и свидетельствует о более безответственном отношении мужчин-военнослужащих к сексуальному и репродуктивному здоровью.

На основании данных, полученных другими исследователями, можно предположить, что распространенность урогенитальных инфекций у военных моряков (53,2%) значительно выше аналогичных показателей, которые характеризуют служащих других родов и видов войск как в некоторых регионах России (см., например: [17]), так и ближнего зарубежья (см., например, исследование по Казахстану:

[9]). По данным Н.В. Лебедевой, в Ярославском гарнизоне урогенитальные инфекции отмечены в анамнезе лишь 15,0% военнослужащих по призыву и 12,0% — по контракту [17]. В отчете А. Дерябиной приводятся сведения, указывающие, что в Казахстане среди военнослужащих еще более низкие показатели: по поводу урогенитальных инфекций лечились до призыва 4,7%, во время несения службы — только 1,6% [9].

О социальной значимости данной медицинской проблемы говорят следующие факты. Более половины военных моряков (70,0%) ранее обследовались на урогенитальные инфекции, из них по собственной инициативе — 64,8%. Проверяются по собственному желанию чаще мужчины (48,2%), чем женщины (34,5%); последние, напротив, предпочитают, в отличие от мужчин (20,0%), ходить на прием по направлению врача (41,4%) ($\chi^2=28,248$, $df=2$, $p<0,001$). На ВИЧ-инфекцию регулярно обследуются подавляющее большинство военных моряков — 80,8% от общего числа опрошенных (или 546 чел.), чаще женщины, чем мужчины (89,7% против 78,3% соответственно) ($\chi^2=19,99$, $df=4$, $p<0,001$). Значительная часть военнослужащих (78,6%) планируют и в дальнейшем регулярно обследоваться на инфекции, передаваемые половым путем, и ВИЧ-инфекцию, при этом ежегодно — каждый второй (57,4%), что свидетельствует о высокой медицинской активности в среде военных моряков.

Заключение

На основании результатов собственного исследования и данных, представленных в литературе, можно сделать вполне определенные выводы. Прежде всего нами отмечено, что в сексуальной культуре военных моряков наблюдается тенденция к сохранению традиционных стереотипов: отсутствие раннего сексуального дебюта; длительные моногамные отношения с одним и тем же партнером противоположного пола; низкая распространенность гомосексуальных контактов; относительно неактивное сексуально опасное поведение.

Высокая сексуальная культура военных моряков обусловлена социокультурными особенностями данной профессиональной группы. Издавна русские моряки считались особым, практически закрытым, сословием, выработавшим специфические законы, традиции и обычаи. В их среде сформировалось уникальное «флотское товарищество», отличающееся почитанием командиров, уважением к сослуживцам и более строгим подходом к выбору друзей и спутниц жизни. Тем не менее даже в таком сообществе четко прослеживаются указывающие на сохранение традиционных норм сексуальной культуры значимые гендерные различия, которые заключаются в том, что по сравнению с женщинами у мужчин отмечены более раннее начало сексуальной жизни и большее число половых партнеров. В последние годы

это усугубляется влиянием общемировых тенденций в развитии сексуальной культуры постиндустриального общества: снижением возраста сексуального дебюта и расширением диапазона приемлемости.

На сексуальную культуру военных моряков принципиальное воздействие оказывают не только гендерные и возрастные факторы, но и воинский статус. Например, по сравнению с контрактниками служащих по призыву отличает большее число сексуальных партнеров и более раннее начало половой жизни. Кроме того, среди последних довольно широко распространены случайные сексуальные контакты. Выявленные расхождения обусловлены однородным гендерным составом военнослужащих по призыву и их более молодым возрастом ($20,5 \pm 0,1$ лет) по сравнению со служащими по контракту: матросами, или старшинами ($30,4 \pm 0,5$ лет); офицерами, или мичманами ($32,6 \pm 0,3$ лет), а также различиями в характере и условиях прохождения военной службы. Все это заставляет рассматривать военнослужащих по призыву в качестве группы высокого риска заражения ИППП и/или ВИЧ-инфекцией. Чтобы снизить опасность распространения этих заболеваний, нужно всеми возможными путями повышать уровень сексуальной культуры призывников, то есть проводить активную санитарно-просветительскую работу и обучать их практическим навыкам безопасного секса. Большую роль играет создание определенных условий для реализации сексуальной активности военнослужащих по призыву — нужно увеличивать продолжительность их личного времени; предоставлять более свободный выход за пределы воинской части; поощрять общение со сверстниками; способствовать возможности приобретать механические средства контрацепции.

Сексуальное поведение военных моряков, как и населения в целом, характеризует низкий уровень контрацептивной культуры. Хотя подавляющее большинство военнослужащих (79,8%) пользуются средствами контрацепции, предпочитая в основном презервативы (57,0%), однако значительная часть их (18,5%) применяет малоэффективные методы (прерванный половой акт, календарный способ, спринцевание). Доля лиц, использующих современные средства контрацепции, крайне мала — лишь 3,5%. Чтобы целенаправленно формировать ответственное сексуальное поведение в среде военнослужащих мужского пола, потребуется активизировать усилия по разработке и реализации профилактических программ, направленных на пропаганду надежных и безопасных методов планирования семьи.

В настоящее время распространенность сексуально опасного поведения у военных моряков существенно ниже аналогичных показателей, характеризующих воинские контингенты других стран. Однако большое количество военнослужащих, у которых мы выявили имеющиеся в анамнезе урогенитальные инфекции, косвенно свидетельствует о наличии нежелательных случайных сексуальных связей.

Очевидно, навыки самосохранительного сексуального и репродуктивного поведения у военных моряков формируются через отрицательный опыт, путем проб и ошибок при половых контактах. Чрезвычайно важно, чтобы самосохранительное поведение в первую очередь базировалось на знаниях, а затем уже реализовывалось в умениях и навыках, но никак не наоборот.

На наш взгляд, нравственные основы профилактики сексуального поведения, связанного со многими факторами риска, должны закладываться в семье и закрепляться в образовательных учреждениях. Для такой задачи прежде всего необходимы специфические учебные программы по половому воспитанию и специально подготовленные педагоги, умеющие донести до подростков соответствующую их возрасту научно обоснованную информацию, обсудить с ними проблемы сексуальности, безопасного секса, интимной гигиены и современных методов контрацепции. Эти меры могут сформировать у молодых людей необходимые предпосылки осознанного отношения к сексуальному и репродуктивному здоровью, мотивацию к здоровому образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аравийская Е.Р.* Анализ факторов, связанных с рискованным сексуальным поведением в подростковой субпопуляции Санкт-Петербурга // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2001. № 5. С. 61–65.
2. *Бондаревский Я.И.* О проституции и инфекциях, передаваемых половым путем // Вестник дерматологии и венерологии. 1999. № 1. С. 14–15.
3. *Белокриницкая Т.Е., Золотарева Н.И., Мочалова М.Н.* Контрацептивное поведение и репродуктивные установки студенток медицинского вуза // Бюллетень ВСНЦ СО РАМН. 2006. № 5 (51). С. 32–34.
4. *Вяткина А.С.* «Незнакомки» по вызову: к вопросу о легализации женской проституции // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2009. № 1 (48). С. 140–144.
5. *Голод С.И.* Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005.
6. [*Голод С.И.*] Социология сексуальности [Текст]: Антология / Перевод и науч. ред. С.И. Голода. СПб.: ИС РАН, С.-Петербург. фил., 1997.
7. *Денисенко М.Б., Жан-Пьеро Далла Зуанна.* Сексуальное поведение российской молодежи // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 83–87.
8. *Денисенко М.Б.* Российский студент в интимной жизни // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». № 259/260, 2–15 октября 2006 [online]. Дата обращения 25.08.2012. URL: <<http://demoscope.ru/weekly/2006/0259/tema01.php>>.
9. *Дерябина А.* Поведенческий надзор над ВИЧ-инфекцией. Проблема ВИЧ/СПИД и ИППП среди мужчин, проходящих службу в Вооруженных Силах Республики Казахстан. Алматы, март 2004 [научный отчет].
10. *Зайцева Е. В.* Межпоколенческая динамика сексуальной культуры (социологический анализ): Дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006.

11. *Захарова Т. Г., Николаев В.Г., Искра И.П., Захаров Н.Г.* Сексуальное поведение девушек-подростков и его влияние на репродуктивное здоровье // Профилактическая медицина (Профилактика заболеваний и укрепление здоровья). 2005. № 2. С. 19–21.
12. *Кащенко Е.А.* Секс в армии. М.: ЛКИ, 2008.
13. *Коломейцев М.Г.* Гигиенические основы сексуального поведения в профилактике нарушений репродуктивного здоровья у подростков: Дис. ... канд. биол. наук. М., 2007.
14. *Кон И.С.* Сексология. М.: Академия, 2004.
15. *Кубанова А.А., Лосева О.К.* Основы первичной профилактики инфекций, передаваемых половым путем (ИППП), в группах повышенного поведенческого риска // Вестник дерматологии и венерологии. 2000. № 5. С. 4–6.
16. *Кузнецова Ю.Н., Кунгуров Н.В., Герасимова Н.М.* Информированность молодежи и подростков по вопросам сексуальной жизни и инфекций, передаваемых половым путем // Российский журнал кожных и венерических болезней. 2007. № 6. С. 41–45.
17. *Лебедева Н.В.* Научное обоснование организационно-функциональной модели профилактики инфекций, передаваемых преимущественно половым путем среди военнослужащих: Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб, 2008.
18. *Лосева О.К., Бобкова И.Н.* Изучение сексуального поведения мужчин и женщин, заболевших сифилисом (панельное исследование) // Вестник дерматологии и венерологии. 1999. № 1. С. 43–45.
19. *Лузан Н.В.* Лечебно-профилактическая помощь детям и подросткам с инфекциями, передаваемыми половым путем (концепция профилактики и организационная модель): Автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Новосибирск, 2001.
20. Мониторинг поведения военнослужащих, как компонент эпиднадзора за ВИЧ второго поколения. Аналитический отчет / Подготовлено ООО «СОЦИС–ЦСПД» и Министерством обороны Украины, МБФ «Международный Альянс по ВИЧ/СПИД в Украине» в рамках реализации программы «Преодоление эпидемии ВИЧ/СПИД в Украине», поддержанной Глобальным Фондом для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией. Киев, август 2007.
21. *Прохоренков В.И.* В сумерках Венеры. Очерки социальной венерологии. Красноярск: Офсет, 1996.
22. *Райх В.* Сексуальная революция / Пер. с нем. В.А. Брун-Цехового; Под ред. В.П. Наталенко. СПб.; М.: Университетская книга; АСТ, 1997.
23. *Резникова Т.П.* Контрацептивное поведение молодежи // Социологические исследования. 2003. № 1. С. 131–135.
24. *Сергеев М.Ю., Артифексов С.Б.* Особенности сексуально-репродуктивного поведения военнослужащих // Военно-медицинский журнал. 2009. № 7. С. 55–59.
25. *Сидоров П.И., Дерягин Г.Б.* Сексуальное поведение и насилие. М.: МЕДпресс-информ., 2007.
26. *Сырнева Т.А., Долженицына Н.А., Захарова М.А.* и др. Сексуальное

- поведение и уровень информированности об инфекциях, передаваемых половым путем (ИППП) различных субпопуляций молодежи // Уральский медицинский журнал. 2004. № 3. С. 24–26.
27. Хрянин А.А., Решетников О.В., Антилогова А.Д., Тэйнина Т.П. Сексуальное поведение и знания об инфекциях, передаваемых половым путем у молодых женщин // Журнал дерматовенерологии и косметологии. 2004. № 1. С. 30–34.
 28. Яцуха М.В., Мудренко О.С., Хубиева Ф.В. Женщины, занимающиеся коммерческим сексом, как группа риска в распространении урогенитальных инфекций // Актуальные вопросы дерматологии, микологии и инфекций, передаваемых половым путем / Материалы межрегион. науч.-практ. конф. Благовещенск, 2000. С. 246–250.
 29. Anastario M.P., Tavarez M.I., Chun H. Sexual risk behavior among military personnel stationed at border-crossing zones in the Dominican Republic // *Rev Panam Salud Publica*. 2010. Vol. 28 (5). P. 361–367.
 30. Bing E.G., Ortiz D.J., Ovalle-Bahamón R.E., Cheng K.G., et al. HIV/AIDS behavioral surveillance among Angolan military men // *AIDS Behav*. 2008. Vol. 12 (4). P. 578–584.
 31. Essien E.J., Ogungbade G.O., Kamiru H.N., Ekong E., et al. Emerging sociodemographic and lifestyle predictors of intention to use condom in human immunodeficiency virus intervention among uniformed services personnel // *Mil Med*. 2006. Vol. 171 (10). P. 1027–1034.
 32. Klavs I., Rodrigues L.C., Wellings K., Weiss H.A., et al. Sexual behaviour and HIV/sexually transmitted infection risk behaviours in the general population of Slovenia, a low HIV prevalence country in central Europe // *Sex Transm Infect*. 2009. Vol. 85. No 2. P. 132–138.
 33. Mercer C.H., Fenton K.A., Copas A.J., et al. Increasing prevalence of male homosexual partnerships and practices in Britain, 1990–2000: Evidence from national probability surveys // *AIDS*. 2004. Vol. 18 (10). P. 1453–1458.
 34. Morineau G., Prybylski D., Song N., Natpratan C., Neilsen G. Simultaneous use of multiple condoms among male Cambodian military personnel visiting female sex workers // *Sex Transm Dis*. 2007. No. 34 (10). P. 808–812.
 35. Nikula M., Gissler M., Jormanainen V., Sevon T., Hemminki E. Sexual behaviour and lifestyles of young men in Finland, 1998–2005. Cross-sectional survey of military conscripts // *Eur J Contracept Reprod Health Care*. 2009. Vol. 14 (1). P. 17–26.
 36. Wellings K., Collumbien M., Slaymaker E., et al. Sexual behaviour in context: A global perspective // *Lancet*. 2006. Vol. 368 (9548). P. 1706–1728.
 37. Wellings K., Nanchahal K., Macdowall W., et al. Sexual behaviour in Britain: Early heterosexual experience // *Lancet*. 2001. Vol. 358 (9296). P. 1843–1850.